

ББК 60.51(2)

УДК 316(470)

**Конструирование образа «другого»
в социальных представлениях населения России:
теоретические аспекты***

Д.А. Омельченко, Г.С. Авдеева, О.В. Суртаева, М.И. Черепанова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**Construction of the Image of “Other”
in Social Representations of Russian Population:
Theoretical Aspects**

D.A. Omelchenko, G.S. Avdeeva, O.V. Surtaeva, M.I. Cherepanova

Altai State University (Barnaul, Russia)

В статье представлен краткий обзор существующих направлений социальных исследований, подчеркивающих роль социальных институтов, историко-культурных и коммуникационных процессов в формировании социальных представлений о «других», определяемых с позиций этничности и гражданственности и объединенных под общим названием «конструктивистская парадигма». Отмечается, что существующий в индивидуальном и общественном сознании образ «другого» является результатом коллективной коммуникативной деятельности и интегрирован в социальную реальность посредством дискурсов, производимых элитами и транслируемых через систему образования и средства массовой коммуникации. Авторами подчеркивается, что в образе «другого» отражены результаты эволюции общества, а сам он является неотъемлемым компонентом картины мира, служащим для формирования социальной идентичности и маркировки границ между своей и чужой группой. Конструирование ядерных структур представлений о «другом» осуществляется на институциональном уровне, а периферических — на социально-групповом и индивидуальном уровнях в процессе межличностного и межгруппового взаимодействия, преломляемых сквозь жизненный опыт, индивидуальные значения и личностный смысл.

Ключевые слова: образ «другого», конструктивизм, социальные представления.

DOI 10.14258/izvasu(2015)3.1-36

Современный мир является сосредоточием противоположностей, в числе которых — стремление

The article contains a brief review of existing directions in social studies, emphasizing the role of social institutes, historical, cultural and communicative processes in formation of social representations about “the others”, defined from the position of ethnicity or citizenship and assembled under the general name of constructivist paradigm. It is pointed out that the image of the “other” in individual and social consciousness represents a result of collective communicative activity, integrated in social reality by means of discourses, developed by elites — politicians and intellectuals and translated by educational systems and mass-media. The authors underline that the image of “other” constitutes an important component of individual world view, serving for the social identity construction and marking limits between in — and outgroups. Proximal structures of representations about “other” are built at the institutional level, while distal ones — at the group and individual level in the process on interpersonal or intergroup interaction and are changed by life experience and personal meanings and sense.

Key words: image of the “other”, constructivism, social representations.

надстранных организаций найти общие для всего человечества пути развития и объективная многопо-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 14-06-00196 «Математико-статистический анализ конструирования ментальных репрезентаций «образа другого» (2014–2016).

лярность мирового порядка, распространение универсальных культурных кодов и все еще сохраняющиеся и даже стремящиеся к усилению своих позиций локальные культуры. Для России сегодняшнего дня эти процессы также являются актуальными, сопряженными, помимо прочего, с внутриэкономическими и внешнеполитическими проблемами. Вопросы, связанные с национальным достоинством, гражданским самосознанием, необходимостью выстраивания мирных межэтнических отношений как внутри страны, так и за ее пределами, выходят на одни из первых мест на общественной и государственной повестке дня. Высокая динамика и эмоциональный накал событий, происходящих на глобальном и национальном уровне, обусловленных перестановкой сил на политической карте мира, приводит к значительной трансформации как экстраобразов стран и народов, так и интраобразов, формирующихся на основе образа «мы». В таких условиях изучение существующих в массовом сознании социальных представлений об этничности и гражданственности, складывающихся из оппозиции «мы — другие», приобретает практическую значимость и остроту.

В исследованиях, посвященных анализу образов «другого», подчеркивается, что их содержание отражает результаты эволюции общества, а сами они являются продуктом социокультурного конструирования, наполняются значениями и смыслами в процессе взаимодействия индивидов. В социологической науке указанные проблемы не являются инновационными и изучены довольно широко. Безусловными авторитетами в данном направлении признаны основоположники феноменологической социологии — А. Шюц, П. Бергер и Т. Лукман [1–2], серьезный вклад в теорию конструирования социальной реальности был привнесен П. Бурдьё и его теорией габитуса [3], сочетающей в себе эвристические возможности структурализма и конструкционизма.

Изучение особенностей социального конструирования посредством современных средств массовой информации, выступающей в качестве объяснительной рамки, посредством которой образ «другого» проблематизируется в масс-медийном дискурсе, характерно для работ В. Барра, Дж. Беста, Ч. Боска, Дж. Китсьюза, М. Спектора, С. Хилгартнера, Дж. Шнайдера и др. [4–8]. Образ «другого» как социальная проблема предполагает анализ процессов определения людьми жизненных ситуаций как нежелательных, опасных, угрожающих (Дж. Бест). Согласно концепции «публичных арен» (Хилгартнер, Боск, 2000), образ «другого» попадает в фокус общественного внимания, если он рассматривается как заслуживающий внимания аудитории, драматичный. Дискурс, характеризующий образ «другого», может быть как проблематизирующим, использующим риторику опасности, так и, напротив, базироваться на риторических стратегиях депроблема-

тизации — натурализации, перспективизации и др., описанных П. Ибаррой и Дж. Китсьюзом [9].

Среди российских исследователей, использующих конструктивистскую методологию, следует выделить Е. Дьякову, Е. Здравомыслову, П. Мейлахса, А. Темкину, Е. Шапинскую, Е. Ярскую-Смирнову, И. Ясавеева и др. [10–15]. Однако большинство российских социологов предпочитают использовать традиционные объективистские подходы к анализу социальных проблем либо сочетание классических и конструкционистских идей.

Множество теорий, образующих идейное пространство парадигмы конструктивизма, можно условно разделить на несколько направлений. Chiari и Nuzzo выделяют два типа конструктивистских теорий: эпистемологическую и герменевтическую [16]. Конструктивисты-эпистемологи допускают существование внешней, независимой от наблюдателя реальности. В то же время данная реальность, по их мнению, может быть познана только посредством размышлений о ней, а следовательно, знание представляет собой компиляцию из конструкций, создаваемых людьми и имеющих эвристические функции, заключающиеся в опосредовании понимания мира. С этой точки зрения эпистемологический конструктивизм позволяет классифицировать познавательные схемы скорее с позиции их жизнеспособности и полезности, нежели объективной точности, поскольку индивиды не могут быть полностью уверенными в том, что созданные ими конструкции полностью соответствуют независимой реальности. Герменевтический конструктивизм, напротив, отрицает существование реальности, независимой от наблюдателя, а знание рассматривает в качестве продукта лингвистической активности сообщества наблюдателей. Поскольку существует несколько групп, отстаивающих посредством определенных дискурсов свою точку зрения, может быть несколько систем знания. Следовательно, в герменевтическом подходе к конструктивизму центральные позиции занимают категории языка, дискурса и коммуникаций, используемые для понимания того, как разрабатываются и поддерживаются эти системы. Несмотря на наличие нескольких герменевтических традиций, во всех них разделяется точка зрения на знание (и истину) как на исторически обусловленную и контекстуально верифицируемую интерпретацию, порождаемую языковыми средствами и утверждаемую в социальном пространстве, а не как на индивидуальный и когнитивный продукт [16, с. 171–174]. А.М. Улановский (2009), опираясь на типологию Дж. Рэскина [17], выделяет три направления: 1) конструктивизм в узком смысле слова, 2) радикальный конструктивизм, 3) социальный конструкционизм. Он также отмечает, что все они исторически развивались независимо друг от друга, опирались на разные положения, традиции и исследования

и по-особому интерпретировали то, что можно назвать объективной реальностью [18].

Центральной идеей конструктивизма является представление о познании как об активном построении образа познаваемых предметов и событий в сознании субъекта, в отличие от простого отражения и репрезентации. Одной из ключевых категорий данного подхода является категория «конструкта», предложенная Дж. Келли для обозначения когнитивных шаблонов, которые человек «сам создает, а затем пытается подогнать их по тем реалиям, из которых состоит этот мир» [19]. Главная цель конструктов состоит в предсказывании повторяющихся событий, они позволяют индивиду не только объяснять чужое поведение, но и проектировать собственное поведение, задавая его программу.

Социальное конструирование реальности — длительный и динамический процесс, производящийся людьми в процессе формулировки знаний и интерпретации. Одной из ключевых идей П. Бергера и Т. Лукмана является идея о происхождении и поддержке любого знания, в том числе основополагающих представлений о социальной реальности, в процессе социальных взаимодействий, которая имеет комбинированный характер. Человекообразность социальной реальности определяется тем, что существующий социальный порядок представляется людям естественным даже в том случае, если он им не нравится.

Радикальный конструктивизм представляет собой совокупность теорий, обосновывающих на теоретическом материале классических психологии и антропологии, нейробиологии и кибернетики, теорий самоорганизации, систем и коммуникации тезис об операциональной закрытости (семантической непроницаемости) когнитивной системы, согласно которому знание не может отражать объективную реальность и представлять ее, так как реальный мир, доступный индивиду, и представляет собой только систему конструктов, формируемых индивидами в процессе познания на основе чувственного опыта [20]. Его основатель и наиболее выдающийся пропагандист — американский психолог Эрнст фон Глазерфельд. Среди его последователей и критикующих единомышленников можно отметить З. Шмидта, Х.-Р. Фишера, Г. Рота, Г. Руша и др. [21].

Отличие позиции радикального конструктивизма от конструктивизма состоит в чрезмерной акцентуации идеи конструирования знания, переносе исследовательского фокуса с анализа влияния культуры на анализ свойств биологических организмов, мозга, нервной системы. Последователи данного направления утверждают, что знания действительно невозможно получить извне, открыть или отразить, поскольку живые организмы обладают информационной замкнутостью и, следовательно, не могут преодолеть

границы создаваемой ими когнитивной картины реальности [18].

Социальный конструкционизм представляет собой направление в социальных науках, отводящее дискуссии первостепенную роль в конструировании индивидами собственного я, мира и отношений между людьми. Сторонниками конструкционизма постулируется необходимость отказа от возможности нахождения абсолютных истин и эфемерности эталонов поведения, психологические процессы рассматриваются в связке с феноменами культуры и истории конкретных обществ, предполагается существование множественности способов интерпретации мира, языков, дискурсов, способствующих взаимообогащению, демократизации и социальному преобразованию сознания людей. Основателями социального конструкционизма принято считать К. Гергена, Р. Харре, Дж. Шоттера [22–23]. Социальный конструкционизм находится в оппозиции к трактовке знания как продукта восприятия и рационального мышления познающего субъекта.

Именно в этом месте социальные конструкционисты расходятся с представителями конструктивизма и радикального конструктивизма. По мнению первых, конструирование мира происходит не в индивидуальном сознании, а посредством коллективных социальных и дискурсивных практик. Указанные оценки тесно взаимосвязаны с феноменом внутригруппового согласия, осуществляемого в сообществах, дифференцированных по этническим, профессиональным, научным, религиозным критериям. Следовательно, ключевыми для социального конструкционизма являются понятия социальных отношений, языка, дискурса, практик, нарратива, конвенций, норм. Особенностью исследований, выполненных в русле социального конструкционизма, по мнению К. Гергена, является анализ способов получения объективного знания, различных риторических и литературных приемов идеологического и ценностного обоснования того, что считается естественным и неоспоримым, поиска исторических истоков различных форм понимания, изучение вариации человеческих смыслов в разных культурах.

Несмотря на существующие различия между представленными направлениями конструктивизма, радикального конструктивизма и социального конструкционизма, они имеют общие черты, использование которых является релевантным для анализа конструирования образа «другого» с позиций этнической и гражданской идентичности. Прежде всего, все они основываются на идее социального конструирования большинства социальных феноменов в процессе межличностных взаимодействий и социальных практик. Это означает, что образ «другого», даже существующий в индивидуальном сознании, является результатом коллективной деятельности, воспроизводится

и трансформируется посредством языковых и других семиотических систем. Образ «другого» становится частью социальной реальности посредством дискурсов, транслируемых политиками, интеллектуалами и медиа и распространяемыми через системы образования и массовой коммуникации.

Во-вторых, в соответствии с позициями конструктивизма не существует общих, универсальных истин, любое знание является принципиально множественным, альтернативным, контекстуальным, ситуативным и исторически локальным. Следовательно, не может существовать единого понимания относительно того, чем является этничность и гражданственность, социальные представления о данных феноменах будут являться лишь свидетельствами существующих в обществе норм и конвенций. Следовательно, социальное познание является направленным не на поиск абсолютного соответствия с реальностью, а на поиск пригодного, подходящего образа действия, отвечающего целям познающего субъекта. Этот тезис позволяет понять, что существующие в общественном сознании образы «другого», какими бы дискриминационными и предвзятыми они ни были, отнюдь не случайны, поскольку выполняют определенные задачи и функции. Задача исследователя, работающего в русле социального конструктивизма, состоит в выявлении этих функций и механизмов, посредством которых образ «другого» формируется и проецируется в социальных представлениях. Последние, являя собой динамический процесс и результат группового конструирования социального объекта в виде совокупности понятий, убеждений и объяснений, знаний, ценностей и практик, возникающих в повседневной жизни в процессе социального взаимодействия (С. Московичи, У. Дуаз), позволяют индивидам и группам придавать значение их поведению, понимать реальность через собственную систему отношений, адаптироваться и определять свое место в ней (Ж.К. Абрик), способствуя социальной интеграции благодаря освоению и символическому присвоению индивидом социальной реальности (Д. Жоделе) [24–25]. Структура социального представления состоит из стабильной и устойчивой его части (ядра), разделяемой всеми членами группы в качестве нормативно-ценностной и исторически детерминируемой основы, и определяемой индивидуальным опытом и индивидуальной памятью вариативной части

(периферии), конкретизирующей значение социального представления в определенной ситуации [26]. Социальные представления о гражданственности и этничности, если следовать данной модели, основываются на существующем в обществе групповом консенсусе. В то же время, согласно теоретическим построениям, должны существовать различия в силе приверженности индивидов и групп определенным аспектам этих представлений, данные вариации закореняются на коллективных символических реалиях, в коллективном опыте и в убеждениях людей [27].

В случае, когда объектом социальных представлений выступает «другой» как обобщенный представитель отличной от формирующих данные представления социальной общности, механизмы их формирования становятся сопряженными с механизмами социальной перцепции — категоризацией и идентификацией, социальной дифференциацией, стереотипизацией и др. И в том и в другом случае на основе символически определяемых критериев сходства и различия, маркируемых в оценочных бинарных оппозициях, происходит формирование внутренних образов и экстраобразов, позволяющих индивиду ощущать свою социальную идентичность (в том числе гражданскую и этническую). «Другой» является неотъемлемым компонентом картины мира, служащим как для формирования Я-идентичности внутри группы, так и для маркировки границы между собственной и чужой группой, осознания собственной самобытности [28, 29].

Таким образом, образ «другого» является динамичным, сложным, полимодальным по своему характеру результатом социокогнитивных, социально-перцептивных процессов с одной стороны и продуктом коллективного конструирования социальной реальности — с другой. Конструирование образа «другого» осуществляется на институциональном уровне в дискурсах, продуцируемых средствами массовой информации, идеологии и пропаганды, в данном случае формируются его ядерные структуры. На социально-групповом уровне в процессе межличностного и межгруппового взаимодействия и на индивидуальном уровне указанные представления преломляются сквозь жизненный опыт и структуры индивидуальных значений и личностного смысла индивидов, тем самым периферические структуры представлений становятся доступными для изменения и трансформации.

Библиографический список

1. Шюц А. О множественных реальностях // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. — М., 2004.
2. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М., 1995.
3. Бурдые П. Практический смысл; пер. с фр. — СПб., 2001.
4. Burr V. An Introduction to Social Constructionism. — L., 1995.

5. Бест Дж. Конструкционистский подход к исследованию социальных проблем // Контексты современности — II: Актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории : хрестоматия. — Казань, 2001.
6. Хилгартнер С., Боск Ч.Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы : хрестоматия. — Казань, 2000.
7. Schneider J.W. Problems Theory: The Constructionist View // *Annual Review of Sociology*. — 1985. — Vol. 11.
8. Spector M., Kitsuse J. *Constructing Social Problems*. — Menlo Park, 1977.
9. Ibarra P., Kitsuse J. Claims-making Discourse and Vernacular Resources // *Challenges and Choices: Constructionist Perspectives on Social Problems* / G. Miller, J.A. Holstein (Eds.). — N.Y., 2003.
10. Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. — Екатеринбург, 1999.
11. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальное конструирование гендера как феминистская теория // *Женщина. Гендер. Культура*. — М., 1999.
12. Мейлахс П. Дискурс прессы и пресс дискурса: конструирование проблемы наркотиков в петербургских СМИ // *Журнал социологии и социальной антропологии*. — 2004. Т. VII, №4.
13. Шапинская Е.Н. Образ Другого в текстах культуры: политика репрезентации // *Знание. Понимание. Умение*. — 2009. — №3.
14. Ярская-Смирнова Е.Р. Класс и гендер в дискурсе социального государства // *Отечественный журнал социальной работы*. — 2013. — №1.
15. Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. — Казань, 2004.
16. Chiari G. Psychological Constructivisms: A Metatheoretical Differentiation // *Journal of Constructivist Psychology*. — 1996. — №9.
17. Raskin J.D. Constructivism in Psychology: Personal Construct Psychology, Radical Constructivism, and Social Constructionism // *American Communication Journal*. — 2002. — V. 5. — Iss. 3.
18. Улановский А.М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация // *Вопросы психологии*. — 2009. — Т. 2.
19. Келли Дж. Теория личности. Психология личных конструктов. — СПб., 2000.
20. Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. — Мюнхен, 2000.
21. Thompson P.W. Radical Constructivism: Reflections and Directions // Steffe L.P. & Thompson P.W. (Eds.), *Radical Constructivism in Action: Building on the Pioneering Work of Ernst von Glasersfeld*. — L., 2000.
22. Gergen K.J. *Realities and Relationships: Soundings in Social Construction*. — Cambridge, 1994.
23. Harre R. *Metaphysics and Methodology: Some Prescriptions for Social Psychological Research* // *European Journal of Social Psychology*. — 1989. — V. 19. — №5.
24. Abric J.C. Central System, Peripheral System: their Functions and Roles in the Dynamics of Social Representations // *Papers on Social Representations*. — 1993. — Vol. 2.
25. Doise W., Spini D., Clemence A. Human Rights Studied as Social Representations in a Cross-national Context // *European Journal of Social Psychology*. — 1999. — V. 29. — №1.
26. Максимова С.Г., Кайзер Н.Ю. Россия между востоком и западом: образ страны в представлениях современной молодежи // *Известия Алт. гос. ун-та*. — 2008. — №2.
27. Емельянова Т.П. Социальное представление — понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // *Психологический журнал*. — 2001. — Т. 22. — №6.
28. Максимова С.Г., Авдеева Г.С., Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П., Трофимова Р.А., Удоденко А.А. Образ «другого» как структурный компонент национальной идентичности: конструктивистская парадигма // *Известия Алт. гос. ун-та*. — 2014. — №2/2. DOI:10.14258/izvasu(2014)2.2-49.
29. Максимова С.Г., Гончарова Н.П., Омельченко Д.А., Суртаева О.В., Атясова Н.Ю., Табакаев Ю.В. К вопросу о формировании национального сознания населения Алтайского края // *Известия Алт. гос. ун-та*. — 2014. — №2/2. DOI:10.14258/izvasu(2014)2.2-49.